

Государство и церковь в центре России в годы коллективизации

Станислав Нугзарович Джейранов

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия

stas4587@mail.ru

Аннотация. Статья освещает взаимоотношения Советского государства и Русской православной церкви в конце 1920-х — начале 1930-х годов в период коллективизации деревни, которая сопровождалась разрушением традиционного мира, драматической ломкой привычного уклада жизни. В центре внимания — политика наступления на православную идеологию и духовенство, выражавшаяся в закрытии храмов и монастырей, воинствующем атеизме, мерах репрессивного воздействия по отношению к священникам. Территориальные рамки исследования охватывают Центрально-Промышленную (переименованную через несколько месяцев в Московскую) область — мегарегион в 1929–1937 годах, включавший в тот период несколько бывших губерний Центральной России. На материалах Рязанского, Тверского и Тульского округов анализируются протестное движение крестьян против антирелигиозной политики власти, активные и пассивные формы сопротивления. Активные формы крестьянского сопротивления были направлены на защиту храмов от разрушения, духовенства от арестов, а также против запретов на богослужбную деятельность. Кроме того, верующие оказывали сопротивление антипасхальным вечерам и иным провокационным пропагандистским акциям, организуемым Союзом воинствующих безбожников. Основной действующей силой данного протеста были женщины, что предопределило название акций как «бабы бунты». Пассивные формы протеста выражались в распространении информации о чудесах и знамениях, апокалиптических слухов о скорой войне, гибели советской власти в военном конфликте, грядущем конце света в наказание за вступление в «безбожный» колхоз. Сопротивление дало возможность сохранить храмы как очаги религиозности, сберечь и передать поколениям веру и традиции православной жизни.

Ключевые слова: колхоз, коллективизация, церковь, сельсовет, священник, крестьянин, кулак, бунт, протест.

Для цитирования: Джейранов С. Н. Государство и церковь в центре России в годы коллективизации // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 3 (72). С. 16–26. DOI: [10.37724/RSU.2021.72.3.002](https://doi.org/10.37724/RSU.2021.72.3.002).

Original article

Church and State in Central Russia during the Era of Collectivism

Stanislav N. Dzheyranov

Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russia

stas4587@mail.ru

Abstract. The article treats the relationship between the Soviet State and the Russian Orthodox Church in the late 1920s — early 1930s, during the era of collectivism, which brought about the destruction of the traditional world and dramatically changed the traditional lifestyle. The article focuses aggressive on the policy of oppressing the Orthodox ideology and the clergy, which manifested itself though atheism, the dissolution of churches and monasteries, religious persecution. The research focuses on the situation in the Moscow region (the then Central Industrial region), which encompassed several former provinces in 1929-1937. The author analyzes the materials relating to the Ryazan District, the Tula District and the Tver District and investigates the data about peasants' passive and active resistance to the antireligious governmental policies. The active forms of peasants' resistance were aimed at the protection of churches and cathedrals against destruction, at helping priests avoid arrests, at protesting against bans on religious services. Moreover, believers protested against anti-Easter campaigns and other propaganda campaigns organized by the Union of Aggressive Atheists. Women were the driving force of the protests. As a passive form of protesting against religious oppression believers spread information about miracles and portents, apocalyptic predictions of ongoing wars and the destruction of the Soviet government in a military conflict, apocalyptic prediction of punishment for joining the impious kolkhozes. Due to believers' resistance to anti-religious campaigns it was possible to protect churches and cathedrals as the hearth of religious belief and to pass the traditions of Orthodox Christianity to other generations.

Keywords: kolkhoz, collectivism, church, Village Council, priest, peasant, wealthy peasant (kulak), riot, protest.

For citation: Dzheyranov S. N. Church and State in Central Russia during the Era of Collectivism. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2021; 3 (72):16–26. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2021.72.3.002.

В постсоветский период проблемы антирелигиозной политики власти в годы коллективизации сельского хозяйства и сопротивления крестьян этой политике всегда были в поле зрения ученых [Гераськин, Джейранов, 2019]. Особо актуальное звучание эти вопросы получили в 2019 году, когда отмечалось 90-летие «года великого перелома» — идеологемы, введенной И. В. Сталиным. Данная проблематика стала предметом обсуждения научной секции XXII Международной научной конференции в Екатеринбурге (26–28 сентября 2019 года) «1929: “Великий перелом” и его последствия». В ходе работы научного форума была предпринята попытка дать ответы на следующие взаимосвязанные вопросы: «Каким образом власть собиралась осуществить перелом в духовной сфере и свернуть традиционные религиозные практики; насколько крестьяне были готовы отказаться от религиозных убеждений на момент осуществления политики “великого перелома”?» [Апанасенок, 2019, с. 362].

Заметной из последних публикаций является монография В. С. Батченко, написанная на основе ее кандидатской диссертации [Батченко, 2019]. По мнению автора, «крестьянское сопротивление коллективизации и раскулачиванию и сопротивление антирелигиозной политике представляли собой два самостоятельных течения протеста преобразованиям деревни в конце 1920-х — начале 1930-х годов» [Батченко, 2015, с. 16], а значительная часть антисоветских выступлений в деревне была ответом на сопутствующее коллективизации закрытие храмов в сельской местности. Используя методы исторического анализа, попробуем разобраться в этом.

В конце 1920-х годов начинается коренная реконструкция советского общества. В ходе ее меняется формат государственно-церковных отношений. В 1928 году в условиях кризиса хлебозаготовок на собрании актива московской организации ВКП(б) И. В. Сталин призвал к наступлению на кулака. В обществе формировалось мнение о поддержке кулака религиозными организациями. Огромные идеологические, организационные и материальные ресурсы вкладывались в деятельность Союза воинствующих безбожников (СВБ). В 1927–1929 годах закрытие церквей по упрощенным правилам шло в геометрической прогрессии: от 134 до 1000 [Регельсон, 2007, с. 476]. Компетенцией решения судьбы церковных приходов были наделены местные Советы [Политбюро ... , 2000, с. 664]. Для закрытия храмов власть моделировала требования общественности о крайней необходимости ссыпки в них семян, использования помещения под культпросветучреждения.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О мерах усиления антирелигиозной работы» от 24 января 1929 года предписывалось резко усилить борьбу с проживающими в деревне «церковниками», «лишенцами» и «пособниками кулака». В нем, в частности, писалось: «... усиление социалистического строительства, социалистического наступления на кулацко-нэпманские элементы вызывает сопротивление буржуазно-капиталистических слоев, что находит свое яркое выражение на религиозном фронте, где наблюдается оживление различных религиозных организаций, нередко блокирующихся между собою, использующих легальное положение и традиционный авторитет Церкви...». Постановление призывало местные советские органы «не допускать, ни под каким видом, существования в этих монастырях религиозных организаций» [КПСС в резолюциях и документах ... , 1984, с. 103–104]. Это открывало путь массовым арестам духовенства и церковных служащих в деревне. При этом оказывалось политическое давление на священника как на пособника кулака и схожую с ним персону. Инструкция НКВД от 1 октября 1929 года «О правах и обязанностях религиозных объединений» определяла служителей культа как категорию «лишенцев», т. е. граждан, лишенных избирательного права [Бюллетень НКВД, 1929].

Монастыри и их насельники как неконтролируемый сегмент церковной жизни вызывали особые опасения власти. В 1928 году был закрыт Чернеевский женский монастырь в Сасовском уезде, существовавший под видом трудовой коммуны [В глуши лесов ... , 1928]. В Калужском округе Московской области по делу архимандрита Оптиной пустыни Пантелеимона (Аржаных) были арестованы около 40 бывших монахов по обвинению в организации и непосредственном участии в массовых беспорядках в Духов день. 9 июня 1930 года на многотысячной ярмарке города Козельска произошли выступления крестьян, недовольных большими налогами на торговлю [История Введенского ставропигиального мужского монастыря]. 23–29 июня 1931 года были арестованы 46

монахинь ранее закрытого Тульского Успенского женского монастыря. Все они были осуждены по статье 58-10 УК РСФСР [В Туле реабилитировали осужденных ...]. 31 мая 1931 года в Рязани и 20 сельских районах были арестованы около 500 человек из числа монахов, монахинь, церковных служащих и активных членов сельских приходов. Большинство из них в результате следствия было приговорено к высылке в Казахстан [Рязанский Мартиролог ...]. В этот же майский день 1931 года 9 насельников Иоанно-Богословского монастыря Рыбновского района Рязанского округа были арестованы и осуждены к различным срокам ссылки [Свято-Иоанно-Богословский монастырь ... , 2007, с. 210–211].

Закрытие монастырей и храмов вызвало рост тайных молений верующих. В результате начался уход части верующих в катакомбное состояние, церковные службы проводились у святых источников. В этот период наблюдается, как указывал А. Беглов, феномен «массового церковного подполья» [Беглов, 2018]. Так, газета «Безбожник» от 10 июля 1933 года зафиксировала крестный ход к святому источнику села Кошибеево Сасовского района Рязанского округа. У святых источников проходили молебны, организовывались церковные песнопения, чтение Псалтыри, собирались пожертвования.

С началом коллективизации и связанных с ней коллизий заметным стал рост апокалиптических настроений. В конце 20-х годов среди населения распространялись самые различные слухи о знамениях «конца времен». Подобные слухи, с одной стороны, отражали фрустрацию крестьянства, с другой, были средством пассивного сопротивления насильственной коллективизации. Особо распространялся слух о том, что колхоз — это «антихристово учреждение», в котором людей будут клеймить, а потому конец света близок. Приведем ряд типичных слухов из рязанской глубинки. В селе Телятники Сараевского района получил хождение слух о скором конце света, который связывался с созданием колхоза. Этот слух усилил религиозные настроения [Рязанская деревня ... , 1998]. В селе Петрово Ряжского района распространялись слухи о скорой войне, и тех, кто вступил в колхоз и «предался Антихристу», будут вешать в первую очередь [ГАРО. Ф. Р-5. Оп. 2 (вн. 1). Д. 5. Л. 380].

Государственная политика наступления на церковную организацию включала в себя: закрытие и ликвидацию храмов, препятствование к осуществлению богослужбной деятельности, запрет колокольного звона, налоговое давление, завышение страховых платежей, отказ в регистрации религиозного объединения, раскулачивание священника или доведении его до отказа от сана и т. д.

Воинственная антирелигиозная пропаганда была развернута в карнавальном формате, сопровождаемая открытыми провокациями. В июне 1929 года состоялся II съезд Союза безбожников, который переименовал организацию в Союз воинствующих безбожников (СВБ) и провозгласил «штурм небес». Рязанское отделение, созданное в октябре 1928 года, через полгода насчитывало в своих рядах 1,5 тыс. активных членов [Гераськин, Дудорова, 2016].

По Декрету Совнаркома от 20 января (2 февраля) 1918 года «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» [Русская православная церковь ... , 1996, с. 29–30] духовенство было лишено официального статуса в государстве, однако оставалось востребовано традиционной крестьянской средой. При этом удар наносился не только по иерархии, но и по самим церковным приходам и их активистам. По мнению Г. Л. Фриза, в свое время власть допустила существование низовых приходов [Фриз, 2012]. «Приходская революция» в виде выборов и перевыборов правящих епископов и настоятелей приходов, начатая накануне Поместного Собора 1917–1918 годов, не завершилась. Именно этим было вызвано Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 года, в соответствии с которым создавался механизм контроля исполнительной власти над процессами образования, функционирования и ликвидации религиозных обществ [Ведомости ВС РСФСР, 1975]. Началась чистка старого церковного актива на местах по классовому признаку. Завышенная норма налога, трудовые повинности на духовенство и церковный актив стали скрытой формой раскулачивания.

В Тверском районе, по данным Тверского отделения СВБ, духовенство было замечено в агитации против вступления в колхоз. Так, священник села Медное убеждал в проповедях: «Будете еще в колхозе в драных лаптях ходить!» [Иванов, 2009]. В селе Хавертово Скопинского района Рязанского округа местный священник говорил о грядущем военном походе Запада против СССР в защиту православного духовенства, который возглавит Троцкий [ГАРО. Ф. Р-5. Оп. 2 (вн. 1). Д. 15. Л. 34]. Дьякон села Мышца Ерахтурского района через прихожанок распространял слухи о том, что скот в колхозе обобществляют, чтобы мелкий порезать, а крупный отправить за границу; что в колхозе летом заставят ходить нагими и т. п. Это привело к тому, что 60 крестьян подали заявления о выходе из колхоза [Там же. Л. 380].

В начале 1933 года был арестован священник Каширского района Тульского округа Анатолий Преображенский. Он получил обвинение в контрреволюционной агитации. По словам свидетелей, священник собирал у себя дома верующих и, раздавая святую воду, обсуждал с ними тяжелую жизнь, критикуя власть. Кроме того, те сообщили, что о. Анатолий сочувствовал крестьянам, которые, вырабатывая продукты, сами оставались без них. Во время обхода домов и раздачи крестиков детям распускал, якобы, слухи о скорой войне и «гибели Советской власти». На допросах приводились и следующие слова о. Анатолия: «Советская власть закрывает церкви, разоряет их и строит там различные склады, клубы и совершенно хочет задушить религию...». По показаниям свидетелей, результатом были «нездоровые настроения среди прилегающих селений». Например, пожилая крестьянка под влиянием священника выгоняла из своего дома активистов со словами: «Идите отсюда, коммунисты чертовы! Народу и так жрать нечего, а вы еще на свои займы агитируете». «Тройкой» ОГПУ по Московской области о. Анатолий был приговорен к 3 годам заключения в лагере по статье 58-10 УК РСФСР [Прихожане Каширских храмов ... , 2012].

Причины сопротивления носили не только идеологический, но и социально-экономический характер. Священники были приравнены к кулакам: их не принимали в колхозы и как единоличников облаживали непосильными налогами. Налоговый пресс, политическое и моральное давление вынуждали снимать сан. Так, в Муравлянском сельсовете Милославского района Тульского округа священник подал заявление в райком партии о снятии сана, статуса лишенца и о восстановлении в гражданских правах [ГАТО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 39]. По информации Рязанского окротдела ОГПУ, «За отчетное время бегство попов, снятия сана продолжают. За время с 21.02 по 4.03.30 г. оставлено священнических мест 10, что составляет, с ранее имеющимися 50 фактов с 1.01.30 г.» [ГАРО. Ф. Р-5. Оп. 2 (вн. 1). Д. 5. Л. 385].

Священников обвиняли в контрреволюционной деятельности, призывах к свержению советской власти, осуществлению террористических актов, что ставило их под удар репрессий. 2 февраля 1930 года был издан приказ ОГПУ СССР № 44/21, предусматривающий «немедленную ликвидацию контрреволюционного кулацкого актива». К нему были отнесены в том числе «кулаки — активные члены церковных советов, всякого рода религиозных, сектантских общин и групп, активно проявляющие себя» [Трагедия советской деревни ... , 2000, с. 164]. Также предполагалось выселение «церковников и сектантов» с семьями в отдаленные северные районы СССР с конфискацией их имущества [Советская деревня ... , 2000]. Священники отныне подвергались преследованиям не в качестве служителей культа, а как враги советского строя.

Главной причиной закрытия храмов на местах становилось отсутствие священника, поэтому крестьяне вставали на защиту подвергающегося репрессивному воздействию священника, чтобы не потерять приход. Как доносил Рязокротдел ОГПУ, «в с. Ветчаны Тумского района 24.02.30 был арестован бригадой поп по неизвестным причинам, причем арест произведен во время церковной службы, когда поп был в облачении. В знак протеста 25.02 в селе организовалась демонстрация в 100 чел. В дер. Сергеево того же района в знак протеста против ареста милицией попа Аристова из колхоза вышло 51 хозяйство. В отдельных случаях излишний нажим на церковников и сектантов используется ими в свою пользу, создавая им “мученический ореол” в глазах крестьянства» [ГАРО. Ф. Р-5. Оп. 2 (вн. 1). Д. 5. Л. 331].

Как следует из информсводки № 1 адмтдела Рязокрисполкома «О ходе коллективизации и криминогенной обстановке в округе», в январе 1930 года в селе Рыковом Заборье дьячок солотчинской церкви подговаривал женщин кричать и шуметь на собраниях против закрытия церкви: «Вам ничего не будет» [ГАРО. Ф. Р-5. Оп. 2 (вн. 1). Д. 5. Л. 464]. В спецдонесении Рязанского окротдела ОГПУ в окрисполком читаем: «В с. Максы Сараевского района, где церковь была закрыта административным путем, на заседание с/совета ворвалась толпа женщин и начала требовать возврата попа с выкриками: “Давай нам попа, иначе мы не пойдем в колхоз!”. В с. Ерахтур того же района комиссия по раскулачиванию зашла в дом к попу Флоренскому. Член комиссии Курицын предложил попу постричься и немедленно уехать из с. Ерахтур (на это ему дал 15 минут), Флоренский так и сделал. На 2-й день в воскресенье последний должен был совершать службу, но его не было. Возбужденная толпа женщин требовала возврата попа, и дело чуть было не вылилось в организованное выступление...» [Там же. Л. 376–387].

С конца 1928 — начала 1929 годов ОГПУ отмечало рост массовых выступлений на религиозной почве и увеличение числа их участников. Главной причиной большинства таких массовых выступлений ОГПУ называло закрытие церквей и отвод церковных зданий для общественных нужд, что не совпадало с интересами религиозных объединений. В Московской области в 1929 году из 36 выступлений крестьянства с общим охватом 6 858 человек 21 выступление произошло по поводу закрытия церквей [Кириянова, 2006]. Из докладной записки Секретно-

политического отдела ОГПУ о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году, составленной 15 марта 1931 года, мы узнаем, что по всей стране за 1930 год было зафиксировано 13 754 массовых выступления, 1 487 из них — по религиозным причинам [Трагедия советской деревни ... , 2000]. Как свидетельствует информационная справка ОГПУ «Об отрицательных моментах в настроении женской части населения города и деревни» от 25 августа 1930 года, было зафиксировано 223 выступления женщин на религиозной почве [Советская деревня ... , 2000].

20 мая 1929 года в городе Кимры Тверской области случились массовые беспорядки. Толпа верующих численностью около 1 тыс. человек не пускала в храм комиссию по проведению описи церковного имущества. В соответствии с решением городского Совета и ВЦИК Преображенский храм должен был быть закрыт. Хотя настоятель храма о. Феодор (Колеров) призывал народ уступить храм, чтобы избежать кровопролития, тем не менее он вместе с четырьмя церковными активистами был арестован и препровожден в Тверскую тюрьму. В октябре 1929 года в помещении бывшего женского монастыря в Кимрах состоялся показательный судебный процесс над так называемыми «преображенскими церковниками». Судебные заседания длились неделю. В результате указанным лицам был вынесен смертный приговор. Еще несколько человек были приговорены к тюремному заключению [Иванов, 2009].

Бесцеремонные, оскорбляющие религиозные чувства действия власти наталкивались на сопротивление верующих, особенно женщин. В Тверском округе в селе Буйново Рамешковского района на Рождество состоялся многолюдный митинг против закрытия церкви. В нем приняли участие 2 тыс. женщин. Дело доходило до избиений тех, кто вывозил церковное имущество [Кириянова, 2006]. А вот строки из оперативной сводки Рязанского окружкома: «21 марта 1930 г. в с. Суйск Старожиловского уезда около 100 крестьян потребовали открыть храм и вернуть дом священнику. Бунтовщики открыли храм и произвели богослужение» [История родного края ... , 2003, с. 182].

Аналогичная ситуация была в других регионах Московской области. В октябре 1929 года сельсовет села Васильевское Тверского района решил закрыть под хранение зерна храм, не функционирующий из-за ареста священника. Дьячок и церковный староста сообщили об этом прихожанам. Тогда из деревни Орудово пришла толпа из 300 женщин, которые не позволили этого сделать [ГАТвО. Ф. Р-275. Оп. 1. Д. 12. Л. 12–13].

29–30 июля 1929 года в селе Нижние Белоомуты Коломенского округа произошло массовое выступление верующих против закрытия одной из двух церквей. По ходатайствам сельсовета и местной ячейки СвБ рязанский губисполком планировал передать церковное здание швейной фабрике, изготавливавшей спецодежду для милиции. Данное решение к моменту передачи не было утверждено комиссией по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК, однако сельсовет на основании постановления губисполкома отобрал у церковного совета ключи от церкви. Это вызвало взрыв недовольства. Накануне выступления местными священниками и председателем церковного совета распространялись слухи о том, что безбожники снимут кресты и иконы в церкви. По набату к церкви собралось около 1 тыс. человек. Районный уполномоченный ОГПУ, прибывший на место, оказался бессилем уговорить толпу разойтись, и под ее нажимом вынужден был позвонить в Зарайск и вызвать членов оргкомиссии, принявших решение о закрытии храма. Прибывших членов комиссии встретили камнями, и они вынуждены были закрыться в сельсовете. Толпа взяла в заложники работника ОГПУ и председателя сельсовета и, угрожая насилием, потребовала выдачи ключей от храма. Открыв храм, священники отслужили благодарственный молебен, а верующие расставили вокруг здания пикеты. Во время выступления кроме призывов о возвращении церкви звучали требования о свободе частной торговли, выдаче хлеба. В донесении ОГПУ об этом происшествии подчеркивалось, что возмущение против попытки изъятия церкви у прихода было лишь предлогом для демонстрации и выступления, спровоцированных церковными и антисоветскими элементами [Советская деревня ... , 2000].

На территории Рязанского округа по состоянию на 25 апреля 1930 года из 835 зданий культа (в том числе 20 мечетей) 37 было закрыто, 798 продолжали функционировать. По сравнению с 1928 годом (1195) количество действующих храмов заметно сократилось [ГАРО. Ф. Р-5. Оп. 2 (вн. 1). Д. 15. Л. 34]. Нельзя утверждать, что население полностью отвергло планы передачи молитвенных зданий под общественные нужды. Эта идея получала поддержку верующих, особенно если ставился вопрос о переоборудовании церквей в объекты социального назначения — школы, клубы, больницы, музеи. При планировании церковного здания под объект хозяйственного или культурного назначения проводилась проработка общественного мнения через антирелигиозную лекцию или показ фильма, затем принималось соответствующее постановление. Однако, наблюдая

вместо этого разрушение храмов, уничтожение икон и церковной утвари, постоянно сталкиваясь с препятствиями для нормального функционирования церковных общин, население отвечало протестом, пытаясь защитить свои права и права священства.

Перегибы и ошибки на местах повлекли к выводу постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» от 10 марта 1930 года [Трагедия советской деревни ... , 2000, с. 303–305] и статью Сталина «Головокружение от успехов», опубликованную в «Правде» 2 марта того же года, в которой рефреном звучала известная фраза вождя: «Снять колокола — подумаешь, какая революционность!» Партийным организациям рекомендовалось «прекратить практику закрытия церквей в административном порядке» [КПСС в резолюциях ... , 1984] и наказывать виновных в нарушении права на свободу совести. Например, за незаконное закрытие церкви и засыпку ее зерном в селе Кулики Шацкого района прокуратурой Рязанского округа были привлечены к ответственности член президиума и трое уполномоченных райисполкома [ГАРО. Ф. Р-5. Оп. 2 (вн. 1). Д. 5. Л. 655–656].

Крестьянство отреагировало на критику перегибов сверху подъемом религиозности. Попытки развернуть активную атеистическую агитацию проваливались повсеместно. Об этом свидетельствует, например, апрельский отчет агитатора Тверской организации СВБ 1930 года: «Уже на другой день после моего приезда... ребята дошкольного возраста встречали и провожали меня криками: “Зачем ты приехал... поезжай обратно!” Договорившись с учителем Горютинской школы, я пробовал провести беседу с 3 и 4 отделениями названной школы, чтобы организовать группу юных безбожников, но получилось следующее. При первых же словах я был перебит, ребята кричали: “Что ты нам против Бога говоришь, слышали мы ваши сказки, ты расскажи что-нибудь худое про советскую власть, похай Ленина, вот тогда мы тебя слушать будем!”» [ГАТвО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1. Л. 145]. Аналогичной была ситуация и в других селах. В начале 1930 года в селе Старый Погост после ареста священника и прекращения церковных служб местной власти удалось переоборудовать церковь под клуб. При этом один из комсомольских активистов варварски уничтожил топором все иконы. К концу марта в настроениях крестьян под впечатлением критики центра в адрес местных «перегибщиков» произошел неожиданный разворот: клуб был закрыт, и, вопреки запрещающему решению сельсовета, силами как верующих, так и неверующих церковь вновь была восстановлена. В храме крестьяне планировали встретить Пасху. На недоуменный вопрос агитатора о мотивах такого парадоксального поведения последовал ответ: «А назло колхозам!» [Там же. Д. 13. Л. 1].

И все же ради справедливости надо отметить, что после раскулачивания, применения жесткого администрирования и карательных мер, нависшей угрозы голода возмущений и протестов стало меньше. Вот как, например, был закрыт храм села Щербинино Тверского района. В январе 1930 года в селе состоялась антирелигиозная лекция, на которую пришли только около 30 человек из более чем 200 жителей села. После лекции был проведен сбор подписей под просьбой о закрытии храма. Он закончился неудачей: людей, подписавших обращение, оказалось всего пятеро. Через неделю, 24 января прошло общее собрание колхозников. Собрание, несмотря на протесты стариков, постановило храм закрыть, переоборудовать под клуб, а колокола сдать в фонд коллективизации [ГАТвО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 13. Л. 17].

Спротивления антирелигиозной политике, скоординированного со стороны некоего центра, не отмечалось. Протест духовенства был стихийным, в основе его находилось недовольство антицерковными деформациями в ходе коллективизации. Представляется, что это была не просто борьба крестьянства за свободу вероисповедания, ведь коллективизация являлась, по сути своей, антигуманным насильственным экспериментом, который отрицал плюрализм форм хозяйствования, нарушал принципы добровольности и постепенности. Фактически в деревне шла открытая классовая война, противная христианским заповедям. Справедливости ради следует отметить, что сельское духовенство действительно агитировало против колхозов и поддерживало крепкое крестьянство, ориентировалось на зажиточные слои деревни, обеспечивавшие приход требами и пожертвованиями, и не могло принять коллективизацию, направленную на ликвидацию сельской буржуазии.

Приведенные выше факты и аргументы показывают, что вывод исследовательницы В. С. Батченко об отсутствии взаимосвязи между антиколхозным и антирелигиозным сопротивлением представляется, к сожалению, недостаточно обоснованным. Напротив, мы наблюдаем открытые выступления крестьян, которые не были только протестом верующих против богоборческой политики власти, а сопровождались критикой многих перегибов и нарушений в ходе проводимой коллективизации, поэтому об аполитичности антицерковных выступлений говорить не приходится.

В заключение следует отметить, что усиление классовой борьбы в деревне в эпоху коллективизации поставило под удар церковную организацию: многие сельские храмы были ликвидированы, а священники как «подкулачники» серьезно ограничены в правах и служении либо репрессированы. Воинствующий атеизм стал одним из идеологических лозунгов коллективизации. На решение этой задачи был мобилизован СВБ. Наступление на традиционные основы крестьянского мировоззрения, образ жизни и психологию вызвало сопротивление и протесты, в особенности женщин, в защиту свободы вероисповедания, церковей и священства. К колхозному строительству, ассоциировавшемуся с деянием Антихриста, верующие относились негативно. В итоге были сформированы определенная модель, тактика и формы сопротивления. Борьба крестьянского мира с антицерковной политикой власти была постепенно проиграна. Тем не менее именно она очертила власти пределы дозволенности в политике секуляризации в деревне и позволила сохранить отдельные храмы как очаги провинциальной религиозности. Придавленная властью традиционная сельская религиозность и вынужденный конформизм нашли выход позднее, в годы войны, в виде массовых ходатайств об открытии храмов.

Список источников

1. Апанасенок А. В. «Великий перелом» в сельской церковной истории и судьбах верующих Центрального Черноземья // 1929: «Великий перелом» и его последствия : материалы XXII Междунар. науч. конф. — Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г. — С. 362.
2. Батченко В. С. Крестьянское сопротивление государственной антирелигиозной политике в 1929–1931 годах (на материалах Западной области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. — Брянск, 2015. — 23 с.
3. Батченко В. С. Власть и вера: антирелигиозная политика и ее восприятие населением Западной области, 1929–1934 гг. — СПб., 2019. — 336 с.
4. Беглов А. Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. — 2-е изд. — М., 2018. — 352 с.
5. Бюллетень НКВД. — 1929. — № 37. — С. 1–5.
6. В глуши лесов сосновых... // Рабочий клич: орган Рязанского губкома ВКП(б) и губисполкома. — 1928, 14 апр. — № 82.
7. В Туле реабилитировали осужденных за контрреволюцию монахинь. — URL : https://tula.aif.ru/society/events/mucheniki_po_politicheskim_motivam_kak_istreblyali_tulskoe_duhovenstvo (дата обращения: 02.10.2020).
8. Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1975. — № 27. — Ст. 572.
9. Гераськин Ю. В., Джейранов С. Н. Власть и Церковь в период коллективизации в рязанской деревне // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2019. — № 2 (63). — С. 27–38.
10. Гераськин Ю. В., Дудорова О. А. Антицерковная политика государства в Рязанской губернии // Вестник Рязанского государственного университета. — 2016. — № 1 (50). — С. 35–40.
11. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). — Ф. Р-5. — Оп. 2 (вн. 1). — Д. 5. — Л. 331, 376–387, 464, 655–656 ; Д. 15. — Л. 34.
12. Государственный архив Тверской области (ГАТвО). — Ф. Р-275. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 12–13 ; Ф. Р-313. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 1, 17, 145.
13. Государственный архив Тульской области (ГАТО). — Ф. 11. — Оп. 1. — Д. 78. — Л. 1–5.
14. Иванов П. С. История Тверской епархии в XX столетии : ч. 1 (1900–1939 гг.). — Тверь : ТГУ, 2009. — URL : <http://www.nilostolobenskaja-pustyn.ru/publikatsii-na-aktualnye-temy-3/938-ivanov-p-s-istoriya-tverskoj-eparkhii-v-khkh-stoletii> (дата обращения: 02.10.2020).
15. История Введенского ставропигиального мужского монастыря. — URL : <https://www.optina.ru/history/optina4/#2...> (дата обращения: 02.10.2020).
16. История родного края: Старожиловская земля : учеб. пособие / сост. П. В. Акулышин [и др.]. — Рязань, 2003. — 258 с.
17. Кирьянова Е. А. Коллективизация деревни Центра России (1929–1932 гг.). — Рязань, 2006.
18. Коллективная жизнь: Орган Кимрского райкома ВКП(б) и райисполкома. — 1929, 20, 28 окт.
19. КПСС в резолюциях и документах съездов, пленумов и конференций. — М., 1984. — Т. 5. — 519 с.
20. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. — М., 2000. — Т. 1. — 829 с.
21. Прихожане Каширских храмов, пострадавшие за веру православную в годы лихолетья / сост. прот. В. Коценко. — Кашира, 2012. — Кн. 2. — 82 с.
22. Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. — М., 2007. — 640 с.

23. Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1991. Документы и фотоматериалы. — М., 1996. — 328 с.
24. Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы. — М. : РОССПЭН, 1998. — URL : <http://ryazanskaya-derevnya-1929-1930.blogspot.com/2013/08/15-1929-1930.html> (дата обращения: 02.10.2020).
25. Рязанский Мартиролог. — URL : <http://stopgulag.org/object/459434210> (дата обращения: 02.10.2020).
26. Свято-Иоанно-Богословский монастырь Рязанской епархии / подгот. архим. Авель [и др.]. — М. : ИНЭС, 2007. — 581 с.
27. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939: документы и материалы : в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. — М., 2000. — Т. 3 : 1930–1934 гг., кн. 1 : 1930–1931 гг. — 864 с.
28. Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание: документы и материалы / отв. ред. Н. Ивницкий. — М. : РОССПЭН, 2000. — Т. 2 : Ноябрь 1929 — декабрь 1930 гг. — 927 с.
29. Фриз Г. Л. «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. — 2012. — № 3–4 (30). — С. 86–105.

References

1. Apanasenok A. V. A Dramatic Turn in Church History and in the Fates of Believers in the Central Chernozem Region. 1929: “*Velikij perelom*” i ego posledstvija : materialy XXII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [1929: a Dramatic Change and its Consequences: Proceedings of the 22nd International Research Conference]. Yekaterinburg, September 26–28, 2019, 362 p. (In Russian).
2. Batchenko V. S. *Krest'janskoe soprotivlenie gosudarstvennoj antireligioznoj politike v 1929–1931 godah (na materialah Zapadnoj oblasti)* [Peasants' Resistance to the State Antireligious Policy in 1929–1931 (at the materials of the Western Region)]. Bryansk, 2015, 23 p. (In Russian).
3. Batchenko V. S. *Vlast' i vera: antireligioznaja politika i ee vosprijatie naseleniem Zapadnoj oblasti, 1929–1934 gody* [Authorities and Religion: Antireligious Policy and People's Attitude to it in the Western Region, 1929–1934]. St. Petersburg, SPb., 2019, 336 p. (In Russian).
4. Beglov A. L. *V poiskah “bezgreshnyh katakomb”*. *Cerkovnoe podpol'e v Sovetskom soyuze socialisticheskikh respublik* [Searching for Hallow Catacombs. Catacomb Church in the Soviet Union]. Moscow, 2018, 352 p. (In Russian).
5. *Bjulleten' Narodnogo komissariata vnutrennih del* [Bulletin of the People's Commissariat for Internal Affairs]. 1929, no. 37, pp. 1–5. (In Russian).
6. Deep into the Pine Wood ... *Rabochij klich: organ Rjazanskogo gubkoma Vsesojuznoj Kommunisticheskoj partii bol'shevikov i gubispolkoma* [Workers' Call: Ryazan Province Committee and Province Executive Committee of the Communist Party of the Soviet Union]. 1928, April 14, no. 82. (In Russian).
7. *V Tule reabilitirovali osuzhdennyh za kontrrevoljuciju monahin'* [Nuns Accused of Being Counterrevolutionaries Rehabilitated in Tula]. Available at : https://tula.aif.ru/society/events/mucheniki_po_politicheskim_motivam_kak_istreblyali_tulskoe_duhovenstvo (accessed 02.10.2020). (In Russian).
8. *Vedomosti Verhovnogo Soveta Rossijskoj Sovetskoj Federativnoj Socialisticheskoj Respubliki* [Bulletin of the Supreme Council of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. 1975, no. 27, 572 p. (In Russian).
9. Geras'kin Ju. V., Džežeranov S. N. Church and State during the Era of Collectivism in Ryazan Villages. *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* [Bulletin of Ryazan State University named for S. Yesenin]. 2019, no. 2 (63), pp. 27–38. (In Russian).
10. Geras'kin Ju. V., Dudorova O. A. State Antireligious Campaign in the Ryazan Province. *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Ryazan State University]. 2016, no. 1 (50), pp. 35–40. (In Russian).
11. *Gosudarstvennyj arhiv Rjazanskoy oblasti (GARO)* [State Archive of the Ryazan Region (SARR)]. F. R-5, Op. 2 (vn. 1), D. 5, L. 331, 376–387, 464, 655–656 ; D. 15, L. 34. (In Russian).
12. *Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti (GATvO)* [State Archive of the Tver Region (SATvR)]. F. R-275, Op. 1, D. 12, L. 12–13 ; F. R-313, Op. 1, D. 1, L. 1, 17, 145. (In Russian).
13. *Gosudarstvennyj arhiv Tul'skoj oblasti (GATO)* [State Archive of the Tula Region (SATR)]. F. 11, Op. 1, D. 78, L. 1–5. (In Russian).
14. Ivanov P. S. *Istorija Tverskoj eparhii v XX stoletii : chast 1 (1900–1939 gody)* [History of the Tver Eparchy in the 20th Century: part 1 (1900–1939)]. Tver, Tver State University Publ., 2009, Available at : <http://www.nilostolobenskaja-pustyn.ru/publikatsii-na-aktualnye-temy-3/938-ivanov-p-s-istoriya-tverskoj-eparkhii-v-khkh-stoletii> (accessed 02.10.2020). (In Russian).
15. *Istorija Vvedenskogo stavropigial'nogo muzhskogo monastyrja* [History of Vvedensky Monastery]. Available at : <https://www.optina.ru/history/optina4/#2...> (accessed 02.10.2020). (In Russian).

16. Akul'shin P. V. et al. (comps.) *Istorija rodnogo kraja: Starozhilovskaja zemlja* [Local History: Starozhilovo]. Ryazan, 2003, 258 p. (In Russian).
17. Kir'janova E. A. *Kollektivizacija derevni Centra Rossii (1929–1932 gody)* [Collectivization in Central Russian Villages (1929–1932)]. Ryazan, 2006. (In Russian).
18. *Kollektivnaja zhizn': Organ Kimrskogo rajkoma Vsesojuznoj Kommunisticheskoj partii bol'shevikov i rajispolkoma* [Collective Life: Kimry Regional Committee and Regional Executive Committee of the Communist Party of the Soviet Union]. 1929, Oct., 20, 28. (In Russian).
19. *Kommunisticheskaja partija Sovetskogo Sojuza v rezoljucijah i dokumentah s'ezdov, plenumov i konferencij* [The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Documents of Congresses, Plenums and Conferences]. Moscow, 1984, vol. 5, 519 p. (In Russian).
20. *Politbjuro Central'nogo komiteta Rossijskoj kommunisticheskoj partii bol'shevikov — Vsesojuznoj Kommunisticheskoj partii bol'shevikov. Povestki dnja zasedanij. 1919–1952* [The Political Bureau of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union. The Agenda. 1919–1952]. Moscow, 2000, vol. 1, 829 p. (In Russian).
21. Kocenko V. (comp.). *Prihozhane Kashirskih hramov, postradavshie za veru pravoslavnuju v gody liholet'ja* [The Congregation of Kashira Cathedrals. Persecution of Orthodox Christians]. Kashira, 2012, b. 2, 82 p. (In Russian).
22. Regel'son L. *Tragedija Russkoj Cerkvi 1917–1945* [The Tragedy of the Russian Church: 1917–1945]. Moscow, 2007, 640 p. (In Russian).
23. *Russkaja pravoslavnaja cerkov' i kommunisticheskoe gosudarstvo. 1917–1991. Dokumenty i fotomaterialy* [Russian Orthodox Church and the Communist State. 1917–1991. Documents and Photographs]. Moscow, 1996, 328 p. (In Russian).
24. *Rjazanskaja derevnja v 1929–1930 gody: Hronika golovokruzenija. Dokumenty i materialy* [Ryazan Villages in 1929–1930. The Chronicles of the Tragedy. Documents and Materials]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. Available at : <http://ryazanskaya-derevnja-1929-1930.blogspot.com/2013/08/15-1929-1930.html> (accessed 02.10.2020). (In Russian).
25. *Rjazanskij Martirolog* [Ryazan Martyrology]. Available at : <http://stopgulag.org/object/459434210> (accessed 02.10.2020). (In Russian).
26. Archimandrite Avel' et al. (comps). *Svjato-Ioanno-Bogoslovskij monastyr' Rjazanskoj eparhii* [The Monastery of St. John the Apostle of the Ryazan Eparchy]. Moscow, INES Publ., 2007, 581 p. (In Russian).
27. Berelovich A., Danilov D. (eds.). *Sovetskaja derevnja glazami Vserossijskoj chrezvychajnoj komissija Ob#edinjonnogo gosudarstvennogo politicheskogo upravlenija Narodnogo komissariata vnutrennih del. 1918–1939: dokumenty i materialy : v 4 tomah* [Soviet Villages as Viewed by the All-Russian Extraordinary Commission of the Joint State Political Directorate of the People's Commissariat for Internal Affairs. 1918–1939: Documents and Materials: in 4 vols.]. Moscow, 2000, vol. 3 : 1930–1934, b. 1 : 1930–1931, 864 p. (In Russian).
28. Ivnickij N. (ed.). *Tragedija sovetsoj derevni: kollektivizacija i raskulachivanie: dokumenty i materialy* [The Tragedy of Soviet Villages: Collectivism and Dekulakization (the Soviet Campaign of Political Repression)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, vol. 2 : November 1929 — December 1930, 927 p. (In Russian).
29. Friz G. L. “All Power to the Congregation”: the Resurrection of Orthodox Christianity in the 1920s. *Gosudarstvo, religija, Cerkov' v Rossii i za rubezhom* [Church and State. Church in Russia and Abroad]. 2012, no. 3–4 (30), pp. 86–105. (In Russian).

Информация об авторе

Джейранов Станислав Нугзарович — аспирант кафедры истории России и методики обучения истории и обществознанию, иерей, настоятель храма Рождества Пресвятой Богородицы на Кулишках в Москве.

Сфера научных интересов: история Русской православной церкви, история взаимоотношений государства и церкви.

Information about the author

Jeyranov Stanislav Nugzarovich — Postgraduate of the Department of Russian History and Social Theory and History Teaching Methodology, Priest, Chief Priest of the Cathedral of the Nativity of Blessed Virgin Mary in Kulishki in Moscow.

Research interests: history of the Russian Orthodox Church, the history of church- state relationships.

Статья поступила в редакцию 22.11.2020; одобрена после рецензирования 30.03.2021; принята к публикации 15.04.2021.

The article was submitted 22.11.2020; approved after reviewing 30.03.2021; accepted for publication 15.04.2021.